

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЯН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: СОСТОЯНИЕ И ФАКТОРЫ

Илья Васильевич Дудин¹
Наталья Евгеньевна Тихонова²

^{1, 2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ dudiniv99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0025-9958

² netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

Для цитирования: Дудин И. В., Тихонова Н. Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–25. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.1. EDN VLHCHJ.

Аннотация. В статье на данных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН продемонстрирована распространённость связанных с субъективным благополучием идентичностей россиян (идентичность с людьми того же материального достатка, с постоянно нуждающимися и с добившимися успеха в жизни). Анализ этих идентичностей эффективно дополняет традиционные методы изучения благополучия, оценивая его не «в моменте», а за длительный период, поскольку идентичности формируются долгое время и имеют устойчивый характер. Показано, что три эти символические идентичности позволяют «поймать» разные составляющие субъективного благополучия. Самоидентификация с постоянно нуждающимися отражает неблагополучие, обусловленное не только низкими доходами и испытываемыми лишениями, но и разрывом между уровнем запросов человека и его реальными достижениями. Идентичность с добившимися успеха людьми тесно связана с общей удовлетворённостью жизнью и своим местом в статусной иерархии, отражая достижение человеком значимых для него целей (не обязательно связанных с материальным благополучием). Идентичность с людьми того же материального достатка чаще присуща благополучным людям, поскольку среди неблагополучной части населения многие стараются найти для самопозиционирования в социуме более благоприятные для себя основания. Поскольку эти идентичности отражают разные аспекты субъективного благополучия, то типичным для россиян является сейчас сосуществование на первый взгляд взаимоисключающих идентичностей. Показано также, что самоидентификации представителей массовых слоёв населения страны по их благополучию занимают важное место в их идентификационной системе, а распространённость этих идентичностей устойчива во времени, хотя, как и ранее, они не относятся сейчас к «ядерным» для неё. Относительно чётче

эти идентичности выражены у представителей полярных с точки зрения их места в системе социальных неравенств групп. При этом в совокупности они позволяют довольно чётко определить место человека в системе социальных неравенств.

Ключевые слова: субъективное благополучие, субъективное благосостояние, идентичности, групповые идентичности, символические идентичности, вторичные идентичности, самоидентификация человека, общественное сознание

Введение

Одним из основных трендов развития социальных наук в последние десятилетия стал резкий рост внимания к проблематике субъективного восприятия людьми собственного благополучия. Начало этому тренду обычно связывают с работой Р. Истерлина [1], за которой последовали многочисленные публикации, посвящённые этой тематике как в нашей стране [2; 3; 4; 5; 6 и др.], так и за рубежом [7; 8 и др.]. Практически во всех этих работах обращается внимание на многозначность понятия благополучия, сложности с методологией и методикой его анализа, а также на несоответствие объективных характеристик благополучия и его субъективного восприятия. Дополнительно затрудняет анализ этой проблематики дифференциация значимости отдельных его составляющих для разных людей, обусловленная особенностями их самоощущения в социуме и спецификой запросов.

В этой связи особый интерес приобретает рассмотрение особенностей восприятия индивидами своего благополучия через призму их идентичностей, позволяющее понять, в какой степени уровень субъективного благополучия значим для самоопределения в социуме и насколько благополучными людьми россияне сейчас себя воспринимают. Напомним в этой связи, что понятие «идентичность» интерпретируется в науке обычно как результат осознания индивидом самого себя как члена общества, т. е. того, что он из себя представляет на фоне остальных его членов. Причём за этим самоопределением могут стоять как «Я-идентичности», отражающие видение себя человеком через свои личностные особенности, так и «Мы-идентичности» (или групповые идентичности), отражающие ощущение своей принадлежности к тем или иным социальным группам. Это ощущение формируется в результате самоидентификации с этими группами в процессе социализации и включает представления о своих отличиях от членов других групп (их моделей поведения, ценностных ориентиров и т. п.) или сходстве с ними. В фокусе внимания данного исследования были именно «Мы-идентичности».

На самоидентификацию индивида могут влиять различные факторы. В их числе как изменение внешней обстановки (от динамики ситуации

в стране до изменений в характере занятости), так и внутреннее развитие индивида, в частности его взросление или переход к другим этапам жизненного цикла. Особо актуален вопрос об устойчивости идентичностей массовых слоёв населения для российского общества, пережившего за последние десятилетия множество знаковых событий — от Перестройки и эйфории по поводу вхождения России в «общеевропейский дом» после распада СССР до беспрецедентной конфронтации со странами Запада и реальной угрозы третьей мировой войны. Естественно, что такие масштабные трансформации вызвали значительные изменения в общественном сознании. Пришлось на этот период и целый ряд серьёзных экономических кризисов, и общий рост благосостояния населения. В этих условиях естественен вопрос: как выглядят сейчас идентичности россиян, отражающие видение ими своего места в иерархии благополучия, и претерпели ли они за последние четверть века значимые изменения?

Значимость ответа на него для оценки субъективного благополучия россиян определяет актуальность данного исследования, целью которого выступил, соответственно, анализ особенностей восприятия россиянами своего благополучия (прежде всего материального) через призму системы их групповых идентичностей. Исходя из этой цели, были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать общую картину самоидентификаций россиян по состоянию на весну 2024 г.; 2) определить место в них идентичностей, связанных с восприятием себя членами групп, различающихся степенью благополучия, и соотношение между собой этих идентичностей; 3) выделить факторы, влияющие на распространённость и выраженность связанных с самооценкой своего благополучия идентичностей; 4) оценить, изменилась ли распространённость в массовых слоях идентичности по материальному благополучию с 1990-х годов. Исходя из этих задач, объектом исследования стало общественное сознание, а его предметом — те идентичности россиян, которые связаны с их групповой самоидентификацией по разным аспектам их благополучия/неблагополучия.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования

Проблему самоидентификации личности можно рассматривать как с точки зрения общества, поскольку анализ групповых идентичностей помогает лучше понять его субъективную социальную структуру, так и со стороны отдельного человека, т. е. включения им себя в социальные отношения через ощущение принадлежности к определённым социальным группам, выступающего одной из основ его формирования как личности [9; 10]. Основным механизмом формирования определённых иден-

тичностей является соотнесение человеком своих интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, которые могут при этом оказаться «своими», «чужими» или проблематичными [11]. Фактически при формировании идентичностей человеку нужно ответить на вопрос, кто для него «Мы», а кто — «Они».

Идентичности можно классифицировать по разным основаниям. Они могут делиться на позитивные (положительные) и негативные (отрицательные). Позитивными считаются идентичности с группами, с которыми человек в той или иной степени себя ассоциирует. Негативные — те, про которые он может сказать: «Это точно не я». Не менее важна и классификация идентичностей на первичные (семья, близкие друзья, небольшие группы повседневного взаимодействия) и вторичные, представляющие собой символические или абстрактные сообщества (политические единомышленники, люди того же поколения или той же национальности и т. д.). В литературе предлагались и другие классификации идентичностей, например деление их на инвариантные, возрастные, корпоративные, аутсайдерские, компенсаторные и модернистские [11].

Наиболее известными среди исследований, посвящённых изучению идентичностей россиян, являются работы В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой и членов их научного коллектива. Особенно масштабные проекты в этой области, реализованные данной группой учёных, были связаны с трансформацией идентичностей россиян в условиях перехода от плановой к рыночной экономике в 1990-е годы [9; 10; 12; 13 и др.] и со сравнением особенностей протекания процесса изменения самоидентификаций у жителей двух очень разных стран, переживших травму такого перехода — россиян и поляков [14]. В работах членов этого научного коллектива отмечалось, в частности, что социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные, непривычные воздействия. В их числе В. А. Ядов называл изменчивость социальных взаимосвязей, трансформацию функций основных социальных институтов, плюрализм идеологий и другие влияющие на идентичности факторы. В кризисных условиях доминирование идентичностей с ближайшим окружением (прежде всего семьёй и друзьями) прослеживается особенно явно, что было характерно и для 1990-х годов [10]. Е. Н. Данилова в своих работах также обращала внимание на то, что резкие общественные трансформации сопровождаются значимыми колебаниями групповых идентичностей. Однако при первых признаках стабилизации обстановки люди стремятся адаптироваться к сложившейся социальной действительности, а групповые идентификации усиливаются [15].

В. А. Ядов, Е. Н. Данилова и их коллеги обрисовали в своих работах также картину характерных для россиян в 1990–2000-х гг. и устойчивых

во времени идентичностей, динамику как позитивных, так и негативных идентичностей, охарактеризовали специфику идентичностей представителей разных социальных групп и т. д. Особенно интересен в этом контексте анализ идентичностей российского среднего класса [16] и его средних слоёв [17], поскольку традиционно именно они считаются выразителями характерных для нации нормативно-ценностных систем, а их самочувствие в плане идентичностей по уровню благополучия свидетельствует об определённом уровне благосостояния представителей массовых слоёв того или иного общества в целом.

В своём анализе авторы опирались на традицию, заложенную этими работами. Методически отправной точкой исследования выступили ответы респондентов¹ на вопрос: *«Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: “Это — Мы”?»*. Отвечая на него, респонденты могли выбрать ответы «в значительной степени», «в некоторой степени» и «не ощущаю близости». В числе 19 групп, самоидентификация с которыми тестировалась, были три, связанные с субъективным благополучием человека: люди такого же материального достатка, постоянно нуждающиеся и те, кто добился успеха в жизни. Кроме того, в инструментарии исследования присутствовали вопросы о самооценках своего материального положения и разных его сторон, удовлетворённости жизнью в целом и различными её аспектами, реализации тех или иных жизненных целей, самоощущении своего социального статуса и ряд других. В совокупности ответы на эти вопросы позволяли получить довольно полную картину объективного и субъективного благополучия каждого респондента и влияющих на него факторов. При работе с данными использовались корреляционный, факторный, динамический и сравнительный анализ, а также анализ таблиц сопряжённости в программе SPSS Statistics.

Результаты

Распространённость базовых групповых идентичностей и место в их системе идентичностей, связанных с благополучием. Для того, чтобы понять ситуацию с местом идентичностей, связанных с благополучием, в общей системе групповых идентичностей россиян, прежде всего

---

¹ Эмпирической базой исследования выступили данные 15 волн мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России» (апрель 2024 г., N=2000). Опросы в рамках этого мониторинга проводятся по общероссийской квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, типам поселений, полу и возрасту. Подробнее о выборке опросов в рамках этого Мониторинга см. [18].

необходимо представить общий обзор полученных данных. Как видно на рисунке 1, двумя наиболее часто упоминаемыми позитивными идентичностями являются идентичности с семьёй и друзьями — с ними чётко идентифицировали себя весной 2024 г. около трёх четвертей респондентов. При этом доля тех, кто вообще не ощущал с ними близости, не превышала 2,5 п. п. Эти данные говорят о том, что для россиян по-прежнему первичные идентичности с людьми из постоянного круга общения важнее вторичных. Подчеркнём, что те, кто не идентифицирует себя даже с первичными группами, вообще меньше склонны к «вписыванию» себя в любые группы и выбирают меньше идентичностей в сравнении со средним

Рис. 1. Распространённость различных идентичностей среди россиян, 2024 г., %¹

¹ На рисунке не представлены доли затруднившихся с ответом респондентов, поэтому общая сумма не всегда равна 100%.

по стране уровнем (1,5 идентичности при 5,5 в среднем). Чаще всего не ассоциируют себя с семьёй не одиноко проживающие граждане, а те, кто оценивают своё благополучие и семейные отношения как плохие и/или не чувствуют надёжной поддержки со стороны близких и коллег. Не случайно они в семь раз чаще остальных россиян не доверяли даже членам своей семьи (17,6% при средних 2,4%).

Самой популярной символической идентичностью в 2024 году выступает для россиян идентичность с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь — с ними себя чётко идентифицировали весной 2024 г. около половины опрошенных. Большинство же позитивных символических идентичностей были чётко выражены лишь у 25–40% респондентов. В их число входила и идентичность с людьми того же материального достатка. Однако есть среди идентичностей и такие, для которых характерно даже доминирование отрицания своей принадлежности к соответствующим группам над чётко выраженными идентичностями с ними, в их числе и самоидентификации с постоянно нуждающимися или с теми, кто добился успеха. В целом же свыше 60% опрошенных хотя бы в некоторой степени идентифицировали себя весной 2024 г. с постоянно нуждающимися, 62,2% — с теми, кто добился успеха, и 85,3% — с людьми того же материального достатка.

Если учитывать все три эти идентичности, то с людьми, характеризующимися таким же уровнем благополучия/неблагополучия, в той или иной степени идентифицировали себя весной 2024 г. 92,5% опрошенных россиян. Это говорит об их важности в системе самоидентификаций представителей массовых слоёв. Более того, для 42,0% были значимы в той или иной степени все три эти идентичности. О важности их для россиян свидетельствует и их устойчивость: четверть века назад, в 1998 году, доля в той или иной степени идентифицировавших себя с людьми того же материального достатка составляла 86,5%, а доля не имевших групповых самоидентификаций по этому критерию — 13,1%¹.

В то же время и переоценивать роль идентичностей, отражающих субъективное благополучие человека, при всей их значимости, всё же не стоит. Не случайно для тех, кто характеризовался чётко выраженной групповой самоидентификацией по любому из трёх рассматриваемых оснований, модальным был выбор 7 и более идентичностей из 19 при среднем по массиву значению в 5,5. Это означает, что данные идентичности появляются в числе значимых только у тех, кто в большей степени склонен к «вписыванию» себя в разного рода символические группы.

Соотношение между собой идентичностей, основанных на восприятии человеком степени собственного благополучия. Когда речь идёт

---

¹ Данные 1998 года приводятся по [11, с. 6–7].

о трёх разных идентичностях, основанных на субъективном восприятии различных аспектов личного благополучия, то логичен вопрос о том, как они соотносятся между собой и о чём говорит каждая из них с точки зрения места человека в системе социальных неравенств. Прежде всего отметим, что связи между ними статистически значимы — коэффициент корреляции Спирмена для идентичности с людьми такого же уровня материального достатка и идентичности с теми, кто добился успеха, составлял в использованном массиве данных $0,280^{**1}$, для её связи с идентифицирующими себя с постоянно нуждающимися — $0,201^{**}$, а для связи между идентичностями с добившимися успеха в жизни и с постоянно нуждающимися — $0,245^{**}$.

Однако проявляются эти взаимосвязи для каждой из них по-разному. Из данных таблицы 1 видно, во-первых, что выраженная идентичность с людьми того же материального достатка в большей степени характерна для полярных по их субъективному восприятию своего места в системе социально-экономических неравенств групп: тех, кто чётко идентифицирует себя с постоянно нуждающимися и кто уверенно относит себя к людям, добившимся успеха.

Таблица 1

Соотношение между собой трёх групповых идентичностей, основанных на оценках личного благополучия²

Степень выраженности соответствующей идентичности	Идентичность с людьми того же материального достатка			Итого
	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущают близости	
<i>Идентичность с постоянно нуждающимися</i>				
В значительной степени	47,3	46,2	6,5	100,0
В некоторой степени	21,6	71,1	7,3	100,0
Не ощущают близости	23,5	50,3	26,2	100,0
<i>Идентичность с теми, кто добился успеха</i>				
В значительной степени	47,5	48,1	4,4	100,0
В некоторой степени	26,7	66,9	6,4	100,0
Не ощущают близости	17,6	54,2	28,2	100,0
Степень выраженности соответствующей идентичности	Идентичность с постоянно нуждающимися			Итого
	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущают близости	
<i>Идентичность с теми, кто добился успеха</i>				
В значительной степени	32,3	44,3	23,4	100,0
В некоторой степени	9,4	59,4	31,0	100,0
Не ощущают близости	6,4	42,1	51,3	100,0

¹ Знак «**» здесь и далее означает, что корреляция значима на уровне 0,01.

² Данные приведены по строке. Фоном выделены максимальные показатели по столбцу.

Второе, что обращает на себя внимание в данных таблицы 1, это внутренняя противоречивость определения человеком своего места в системе идентичностей, связанных с оценками своего благополучия. Так, треть уверенно относящих себя к числу добившихся успеха, столь же уверенно идентифицирует себя как постоянно нуждающихся. Отчасти это связано с тем, что идентификация с постоянно нуждающимися отражает не столько реальный уровень доходов, сколько разрыв между ними и запросами человека.

То, что все эти идентичности далеко не всегда связаны с уровнем доходов, хорошо видно из данных таблицы 2. В целом для россиян с низкими

Таблица 2

Соотношение идентичностей, основанных на субъективном восприятии своего благополучия, с уровнем индивидуальных и среднедушевых доходов, 2024 г., %¹

Степень выраженности соответствующей идентичности	Индивидуальные доходы по отношению к медиане доходов в типе поселений по месту жительства			
	До 0,75 медианы	От 0,75 до 1,25 медиан	От 0,1,25 до 2 медиан	От 2 медиан
<i>Идентичность с постоянно нуждающимися</i>				
В значительной степени	12,1	11,5	6,3	6,5
В некоторой степени	52,4	52,4	49,0	49,0
Не ощущают близости	34,6	35,9	44,4	44,4
<i>Идентичность с людьми того же материального достатка</i>				
В значительной степени	22,8	26,2	24,6	32,0
В некоторой степени	59,0	60,4	63,5	56,9
Не ощущают близости	17,8	13,3	11,4	11,1
<i>Идентичность с теми, кто добился успеха</i>				
В значительной степени	5,8	6,5	11,4	15,0
В некоторой степени	49,7	56,9	52,7	59,5
Не ощущают близости	43,9	36,2	35,4	25,5
Степень выраженности соответствующей идентичности	Среднедушевые доходы по отношению к медиане доходов в типе поселений по месту жительства			
	До 0,75 медианы	От 0,75 до 1,25 медиан	От 0,1,25 до 2 медиан	От 2 медиан
<i>Идентичность с постоянно нуждающимися</i>				
В значительной степени	14,6	10,0	6,8	5,3
В некоторой степени	54,0	51,5	49,9	40,0
Не ощущают близости	31,0	37,4	43,3	54,0
<i>Идентичность с людьми того же материального достатка</i>				
В значительной степени	25,3	23,5	26,8	32,0
В некоторой степени	60,7	59,9	59,9	55,3
Не ощущают близости	13,8	16,1	13,4	12,0
<i>Идентичность с теми, кто добился успеха</i>				
В значительной степени	6,5	7,1	10,7	14,7
В некоторой степени	49,8	52,8	58,2	53,3
Не ощущают близости	43,3	39,3	31,1	31,3

¹ Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены. Фоном выделены максимальные показатели по строке.

доходами характерна повышенная распространённость положительной идентичности с постоянно нуждающимися и отрицательной — с добившимися успеха. Полярные по отношению к ним группы с высокими индивидуальными и среднедушевыми доходами характеризуются обратными особенностями: пониженной распространённостью идентичности с постоянно нуждающимися и повышенной — с теми, кто добился успеха, и людьми того же материального достатка. Однако эти отличия невелики, и статистически значимая связь с уровнем как индивидуальных, так и среднедушевых доходов для них довольно слабая¹.

При этом все три рассматриваемые идентичности тесно связаны с удовлетворённостью человека своей жизнью. Сильнее всего удовлетворённость жизнью связана с наличием самоидентификации с людьми, добившимися успеха — в 54,4% случаев при 34,2% в среднем по массиву, её наличие приводит к оценкам своей жизни как хорошей, а доля плохих оценок не превышает величины статистической погрешности. Далее идёт самоидентификация с постоянно нуждающимися, для которой максимальный показатель хороших оценок своей жизни (36,7%), напротив, характеризует людей, отрицающих для себя эту идентичность. Наконец среди имеющих чётко выраженную идентичность по материальному достатку, более чем в 1,5 раза чаще, чем среди вообще её не имеющих (40,2% против 25,5%), можно встретить тех, кто оценивает свою жизнь как хорошую.

Таким образом, все рассмотренные идентичности отражают удовлетворённость человека своей жизнью и степень его субъективного благополучия. При этом, хотя они связаны с уровнем его доходов, но определяются явно не только им. Такой результат предполагает поиск факторов, повышающих вероятность наличия этих идентичностей, особенно — в чётко выраженной форме.

Факторы формирования идентичностей, связанных с самопозиционированием в обществе с учётом своего благополучия

Для выявления факторов формирования идентичностей использовались программа Chaid², коэффициент корреляции Спирмена и анализ таблиц сопряжённости. Сначала в программе Chaid отбирались переменные, имевшие наибольшие показатели связи с соответствующей идентичностью, за-

¹ Коэффициент корреляции Спирмена для связи индивидуальных доходов и идентичности с постоянно нуждающимися составлял в использованном массиве данных 0,088**, с людьми того же материального достатка — 0,069**, а с теми, кто добился успеха — 0,120**. Для среднедушевых доходов эти показатели составили 0,141**, 0,120** и 0,029 соответственно, причём последний был статистически незначим.

² Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных и основана на показателях критерия хи-квадрат. Обычно она применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В описываемом исследовании использовалась первая функция данной программы и проверялась связь зависимой переменной с несколькими сотнями переменных массива данных.

тем они проверялись дополнительно с помощью коэффициента корреляции Спирмена, а последующий анализ частотных распределений в подгруппах с разной выраженностью соответствующих идентичностей позволял глубже понять характер анализируемых связей. По итогам этого анализа обнаружилось, что три рассматриваемые идентичности тесно связаны с наличием других символических идентичностей и их общим числом, т. е. с общей готовностью и предрасположенностью к формированию символических идентичностей. Кроме того, для каждой из них были выявлены свои наиболее тесно связанные с ними символические идентичности.

Что касается специфики проявления этой общей закономерности применительно к каждой из них, то для идентичности с людьми такого же материального достатка значения коэффициента корреляции Спирмена оказались максимальными у самоидентификации с людьми такой же профессии **** $(0,629)$** , общим числом символических идентичностей **** $(0,556)$** , идентичности с теми, кто живёт в том же городе или селе **** $(0,443)$** , людьми того же поколения **** $(0,437)$** , россиянами **** $(0,434)$** , людьми той же национальности **** $(0,429)$** и той же веры **** $(0,417)$** , т. е. идентичностями, формирующимися на основе объективных признаков (род занятий, место жительства, возраст, гражданство, этническая и религиозная принадлежность). При факторном анализе идентичностей¹ все они объединились в одну группу.

Из других факторов, влияющих на формирование идентичности с людьми такого же материального достатка, нужно выделить прежде всего возможности для реализации желаемого стандарта жизни: у тех, кто говорил о чёткой выраженности у них идентичности с людьми такого же материального достатка был максимальный (56,4%) показатель убеждённых в том, что они живут не хуже других, а считавшие, что им уже удалось стать богатыми, имели чётко выраженную идентичность с людьми того же материального достатка почти в половине случаев. Важно было и чувство управляемости собственной жизнью: среди убеждённых, что дела идут по их плану, этот показатель составлял 33,8% (для сравнения, у хорошо оценивающих своё материальное положение он был 31,6%).

Иначе выглядят факторы, влияющие на формирование идентичности с постоянно нуждающимися. Если для идентичности по достатку наиболее важную роль играло наличие профессиональной идентичности (81,3% чётко идентифицировавших себя по этому критерию, ощущали однозначную близость с людьми той же профессии), то для идентичности с постоянно нуждающимися это была самоидентификация с людьми, близкими по политическим взглядам² (53,7% чётко ощущающих свою близость с постоянно

---

¹ Использовался метод главных компонент, вращение Варимакс. Объяснённая дисперсия составляет 56,03%. Подробнее о результатах факторного анализа, разбивших 19 чётко выраженных идентичностей на 5 групп, см. [19].

² Коэффициент корреляции Спирмена для идентичностей с постоянно нуждающимися и людьми, разделяющими близкие политические взгляды, составлял 0,299**.

нуждающимися говорили о значительной выраженности у них идентичности с людьми тех же политических взглядов при 18,2% у вообще не ощущающих близости с постоянно нуждающимися). При факторном анализе эта идентичность оказалась в числе идентичностей, наличие которых, с одной стороны, свидетельствует о значимости для респондентов самоутверждения в социуме (самоидентификации с теми, кто находится у власти или добился успеха), а с другой — о роли тех идентичностей, которые можно условно назвать космополитическими (идентичности со всеми людьми на планете и с европейцами, свидетельствующими о специфической «точке отсчёта» при формировании их запросов). По всем этим идентичностям для группы относящих себя к числу постоянно нуждающихся было характерно превышение средних по массиву значений в разы. С учётом данных об их доходах это свидетельствует о том, что часть данной группы составляют люди, объективно успешные, но имеющие весьма специфическую систему запросов, так что их успехи оказываются далеки от того, чего они для себя хотели бы. Однако около половины представителей данной группы — реально неблагополучные люди (каждого пятого в ней можно отнести к числу бедных, т. к. совокупный доход их домохозяйства меньше прожиточного минимума для их региона, и ещё 30,3% имели среднедушевые доходы менее 1,5 прожиточных минимумов). Такая гетерогенность данной группы, объединяющей как объективно находящихся в сложном положении людей, так и тех, кто вполне благополучен, но характеризуется разрывом своих запросов и реального положения, говорит о необходимости очень осторожно обращаться с данными, полученными при самооценках респондентами своей нуждаемости.

Из других факторов, влияющих на вероятность оказаться в числе идентифицирующих себя с постоянно нуждающимися, стоит отметить, во-первых, доминирование в эмоциональном состоянии характеризующихся её наличием разного рода негативных чувств, во-вторых, ряд особенностей их образа жизни и в-третьих, уровень образования (как собственного, так и родителей). Среди тех, например, кто часто чувствовал, что дальше так жить нельзя, с постоянно нуждающимися себя чётко идентифицировали почти втрое чаще, чем среди практически никогда не испытывавших это чувство (17,6% и 6,3% соответственно). То же относится и к тем, кто живёт с ощущением страха перед неопределённостью будущего (14,2% и 5,9% соответственно). Для часто испытывающих чувство беспомощности повлиять на происходящее вокруг этот разрыв был более чем двукратным (13,7% и 6,1%), как и для ощущавших несправедливость происходящего. Что же касается особенностей образа жизни, то среди идентифицирующих себя как постоянно нуждающихся в 1,5–3 раза реже, чем среди характеризующихся отрицательной идентичностью с ними можно встретить тех, кто посещает кафе, бары и рестораны; читает книги и слушает музыку; играет в компьютерные игры, путешествует «по просторам

Интернета», занимается с компьютером и т. д. Наконец, процент выбора позитивной идентификации с постоянно нуждающимися тем выше, чем ниже уровень образования респондента, и та же тенденция прослеживается по отношению к уровню образования родителей (вероятность иметь чётко выраженную идентичность с постоянно нуждающимися при наличии высшего образования составляла всего 6,1% при том, что для не имеющих никакого профессионального образования этот показатель был в 2,5 раза выше — 15,2%). Отчасти это обуславливается ролью образования (как собственного, так и родителей) для вероятности оказаться в числе бедных.

Наконец, что касается самоидентификации с людьми, добившимися в жизни успеха, то она при факторном анализе оказалась в той же группе, что и идентичность с постоянно нуждающимися. Максимальными показатели коэффициента корреляции Спирмена в отношении общности с теми, кто добился успеха, были для самоидентификации с находящимися у власти (0,470**), европейцами и всеми людьми на планете (по 0,329**), а также с общим числом символических идентичностей (0,286**).

Помимо особенностей идентификационного блока в целом, на чётко выраженную идентичность с людьми, добившимися успеха, влияют также успешная реализация отдельных жизненных целей, самооценки ряда сторон своей жизни и определённые социально-психологические особенности. Так, среди тех, например, кто получил доступ к власти, большинство (58,2%) чётко идентифицировали себя с добившимися в жизни успеха, и ещё 31,9% идентифицировали себя с ними в некоторой степени. Это свидетельствует об особой роли властного ресурса для формирования ощущения жизненного успеха в современном российском обществе. Важна для этого ощущения также престижность работы и возможность хорошо зарабатывать — среди имевших чётко выраженную идентичность с добившимися успеха 38,0% и 34,2% соответственно отметили, что им уже удалось реализовать эти цели (при 19,0% и 10,6% у вообще не относивших себя к ним).

Значимо связана идентичность с добившимися успеха в жизни и с ощущением высокого социального статуса — медианный балл оценки своего социального статуса на десятибалльной шкале у имеющих эту идентичность в чётко выраженной форме составлял 7, а модальный — 8 при том, что у характеризовавшихся отрицательной идентичностью с ними эти показатели составляли всего 5 баллов. Кроме того, более половины (53,8% при 30,5% в среднем по массиву) оценивали свой социальный статус как хороший. При этом своё материальное положение как хорошее оценивали лишь около трети из них, а индивидуальные доходы от 2 поселенческих медиан и выше имели всего 14,9%.

Что же касается социально-психологических особенностей, то среди них для формирования этой идентичности прежде всего важны внутренний локус контроля и роль нематериальных мотиваций. Так, внутренний

локус контроля имели три четверти (74,1%) характеризовавшихся чётко выраженной идентичностью с добившимися успеха при том, что среди характеризовавшихся отрицательной идентичностью с ними таких было менее половины (48,9%).

Выводы

Часть выводов из проведённого анализа данных касается методологии и методики изучения субъективного благополучия, а часть носит содержательный характер. Что касается выводов методологического и методического характера, то, как показало исследование, идентичности, основанные на интегральных самооценках тех или иных аспектов личного благополучия, прямо связаны с оценками людьми своей жизни и различных её составляющих. Это позволяет рассматривать их как достаточно эффективный индикатор, дополняющий традиционные индикаторы субъективного благополучия человека. Важность его связана с тем, что идентичности, особенно чётко выраженные, формируются в течение длительного времени и в целом достаточно устойчивы. В этом смысле они позволяют «снимать» картину благополучия не «в моменте», а за достаточно длительный период, а также прогнозировать ситуацию на ближайшее будущее.

Из приведённых в статье данных ясно также, что разные идентичности позволяют «поймать» несовпадающие составляющие благополучия. Самоидентификация с постоянно нуждающимися позволяет выявить субъективное неблагополучие, обусловленное не только низкими доходами и испытываемыми лишениями, но и разрывом между уровнем запросов человека и его реальными достижениями. Идентичность с добившимися успеха людьми отражает удовлетворённость человека своей жизнью даже при наличии в ней проблем, в том числе и материальных. Идентичность с людьми того же материального достатка реже встречается среди объективно неблагополучной по материальному положению части населения, члены которой далеко не всегда готовы принять это положение как значимое основание для самопозиционирования в социуме и стараются найти для этого более благоприятные основания, и чаще — среди благополучных россиян. Причём все три эти идентичности присущи в первую очередь людям, для которых значимы конкретные и очевидные основания для групповой самоидентификации, а также общая готовность к «вписыванию» себя в различные символические группы.

Поскольку разные идентичности отражают различные аспекты субъективного благополучия, то взаимоисключающие, казалось бы, идентичности (например, с постоянно нуждающимися и добившимися в жизни успеха) могут встречаться, хотя и редко, у одних и тех же людей. Так чётко выраженная отрицательная идентичность с добившимися успеха при чётко выраженной положительной идентичности с постоянно нуждающимися

характеризовала весной 2024 г. всего 2,4% , а прямо обратная ситуация — лишь 1,9% представителей массовых слоёв о сложности самопозиционирования в обществе по уровню личного субъективного благополучия, размытости в общественном сознании его критериев, что способствует подспудной готовности к недовольству и выступает фрустрирующим фактором. О сохраняющейся сложности для россиян самопозиционирования в обществе свидетельствует и относительно слабая на фоне популярности первичных идентичностей распространённость чётко выраженных символических идентичностей, не выросшая с 1990-х годов.

Среди выводов содержательного характера в первую очередь стоит отметить, что самоидентификации по степени личного благополучия занимают достаточно важное место в идентификационной системе россиян. Хотя, как и в 1990-е годы, они не относятся к центральным, «ядерным» для этой системы идентичностям, тем не менее более чем для 90% опрошенных представителей массовых слоёв населения страны они в той или иной степени важны, а у трети россиян хотя бы одна из них выражена в значительной степени, кроме того, их распространённость устойчива во времени.

Чётче всего выражены идентичности по степени личного благополучия у представителей полярных с точки зрения их места в системе социальных неравенств групп. Под ними подразумеваются группы, различающиеся не только уровнем их доходов или материальным положением в целом, но и ощущением управляемости своей жизнью, балансом труда и отдыха, страхом перед неопределённостью будущего и т. п. Учитывая связь всех этих показателей между собой и типичность их для определённого места в социальной иерархии современного российского общества [20], можно сказать, что совокупность относящихся к благополучию идентичностей позволяет определить место их обладателей в системе социальных неравенств.

Такая возможность обуславливается тем, что факторы, влияющие на формирование данных идентичностей, достаточно разнообразны. Помимо общей готовности к формированию символических идентичностей в их число входит как разная значимость ряда других идентичностей (так, идентичность по материальному достатку обычно соседствует с идентичностью с людьми того же рода занятий, идентичность с постоянно нуждающимися — с людьми тех же политических взглядов, а идентичность с добившимися успеха в жизни — с теми, кто находится у власти), так и разный набор других влияющих на них факторов. Причём некоторые из них (как, например, эмоциональное состояние для идентичности с постоянно нуждающимися или чувство управляемости собственной жизнью для идентичности с людьми, добившимися успеха) могут выступать и как факторы, влияющие на формирование соответствующей идентичности, и как те установки, которые наличие соответствующей идентичности закрепляет.

В заключение отметим, что, к сожалению, потенциал изучения групповых идентичностей явно недостаточно используется пока при оценке субъективного благополучия. В то же время тот факт, что почти две трети населения страны в той или иной степени идентифицируют себя с постоянно нуждающимися, и только для каждого тринадцатого гражданина страны характерна чёткая самоидентификация с добившимися в жизни успеха, говорит о том, что изучение субъективного благополучия населения через призму идентичностей и влияющих на них факторов имеет большое значение и, надеемся, получит развитие в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Easterlin R. A.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz / Eds. P. A. David, M. W. Reder. New York : Academic Press, 1976. P. 89–125.
2. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования / Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. 95 с. DOI [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1). EDN MDGGPD.
3. *Мареева С. В.* Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 4. С. 695–707. DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707). EDN YNAKER.
4. *Сушко П. Е.* Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 59–71. DOI [10.31857/S013216250029337-3](https://doi.org/10.31857/S013216250029337-3). EDN CHZYGR.
5. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В. А. Аникин, Е. В. Антонов, В. К. Антонова [и др.] ; под ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : ВЦИОМ, 2023. 462 с. ISBN 978-5-906345-47-9. EDN ZHHTSU.
6. *Широканова А. А.* Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, № 1. С. 4–24. DOI [10.21638/spbu12.2020.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.101). EDN JXMNDE.
7. *Binder M.* Subjective well-being capabilities: Bridging the gap between the capability approach and subjective well-being research // Journal of Happiness Studies. 2014. Vol. 15, № 5. P. 1197–1217.
8. *Kwarcinski T., Ulman P., Wdowin J.* Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe // Applied Research Quality Life. 2024. 39 p. DOI [10.1007/s11482-024-10334-9](https://doi.org/10.1007/s11482-024-10334-9).
9. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52. EDN TYSQON.
10. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4, № 3-4. С. 158–181. EDN TSKDIW.
11. *Тихонова Н. Е.* Самоидентификация россиян и её динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 5–18. EDN SIODGP.

12. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). Мастер-класс профессора В. А. Ядова / Е. Н. Данилова, С. Г. Климова, О. Н. Дудченко [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2004. 326 с. ISBN 978-5756703559.
13. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С. 79–90. EDN **PZQMNN**.
14. Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Е. Н. Данилова, О. Н. Дудченко, Т. Зарицкий [и др.]; сост. Е. Н. Данилова, О. Оберемко, В. А. Ядов. СПб. : Издательство РХГА, 2006. 352 с. ISBN 5-88812-235-1. EDN **QOGJKJ**.
15. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 27–30. EDN **OWMZFV**.
16. Данилова Е. Н., Оберемко О. А. Специфика самоидентификаций и социального самочувствия городского среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 28–38. EDN **NRBGXT**.
17. Тихонова Н. Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества / Н. Е. Тихонова // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30. DOI **10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30**. EDN **OXRIAV**.
18. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой; Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва : Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN **OYVDFP**.
19. Тихонова Н. Е., Дудин И. В. Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. (в печати).
20. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.]; под ред. Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. DOI **10.55604/9785777708731**. EDN **XJGBFE**.

Сведения об авторах

И. В. Дудин

младший научный сотрудник

SPIN-код: **3798-0076**

Н. Е. Тихонова

доктор социологических наук, профессор,

главный научный сотрудник

SPIN-код: **1448-9948**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 10.08.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.1

SUBJECTIVE WELL-BEING OF RUSSIANS THROUGH THE PRISM OF THEIR IDENTITIES: STATE AND FACTORS

Il'ya Vasil'evich Dudin¹

Natalia Evgen'evna Tikhonova²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ dudiniv99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0025-9958

² netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

For citation: Dudin I. V., Tikhonova N. E. Subjective well-being of Russians through the prism of their identities: state and factors. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):6–25. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.1).

Abstract. The article shows the prevalence of identities of Russians related to subjective well-being (identity with people of the same material wealth, with those who are in constant need and with those who have achieved success in life) based on the research data of the Institute of Sociology of FCTAS RAS. The analysis of these identities effectively complements the traditional methods of studying well-being by assessing it not “in the moment”, but over a long period of time, since the identities are formed over a long period of time and are stable. It is shown that these three symbolic identities allow to “capture” different components of subjective well-being. Self-identification with those in constant need reflects the disadvantage caused not only by low income and experienced deprivations, but also by the gap between a person’s aspirations and actual achievements. Identity with those who have achieved success is closely related to overall satisfaction with life and with one’s position in the status hierarchy, reflecting the achievement of goals that are important to the individual (not necessarily related to material well-being). Identity with people of the same material well-being is more common among the well-off population, as many of the disadvantaged try to find more favorable grounds for positioning themselves in society. As these identities reflect different aspects of subjective well-being, the coexistence of apparently mutually exclusive identities is typical of Russians. It is also shown that the self-identifications of representatives of the mass strata of the country’s population based on their well-being occupy an important place in their identification system, and that the prevalence of these identities is stable over time, although they are no longer among the “nuclear” identities. They are relatively more pronounced among representatives of polar groups in terms of their place in the system of social inequality. At the same time, as a whole, they allow to define the position of a person in the system of social inequalities quite clearly.

Keywords: Subjective well-being, well-being, identities, group identities, symbolic identities, secondary identities, individual self-identification, social consciousness

REFERENCES

1. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: P. A. David & M. W. Reder eds. *Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press; 1974. P. 89–125.
2. Epikhina Yu. B., Chernysh M. F., Sushko P. E. [et. al]. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study. *Informat-ionno-analiticheskiy byulleten' (INAB)=Information and analytical bulletin (INAB)*. 2020;(1):95. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1).
3. Mareeva S. V. Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya: Sociologiya*. 2018;18(4):695–707. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707).
4. Sushko P. E. Dynamics of Indicators of Subjective Social Well-being of Russians (2003–2023). *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(12):59–71. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250029337-3](https://doi.org/10.31857/S013216250029337-3).
5. Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. eds. *Human potential: current interpretations and research results [Chelovecheskiy potencial: sovremenny'e traktovki i rezul'taty' issledovaniy]*. Moscow: VCIOM; 2023. 462 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906345-47-9.
6. Shirokanova A. A. Trends of subjective well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2020;13(1):4–24. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2020.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.101).
7. Binder M. Subjective well-being capabilities: Bridging the gap between the capability approach and subjective well-being research. *Journal of Happiness Studies*. 2014;15(5):1197–1217.
8. Kwarcinski T., Ulman P., Wdowin J. Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe. *Applied Research Quality Life*. 2024. 39 p. DOI [10.1007/s11482-024-10334-9](https://doi.org/10.1007/s11482-024-10334-9).
9. Yadov V. A. Social stratification in a crisis society [Social'naya identifikaciya v krizisnom obshhestve]. *Sotsiologicheskij Zhurnal=Sociological Journal*. 1994;(1):35–52. (In Russ.).
10. Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity [Social'ny'e i social'no-psixologicheskie mexanizmy' formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti]. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 1995;(3-4):158–181. (In Russ.).
11. Tikhonova N. E. Self-identification of Russians and its dynamics [Samoidentifikaciya rossiyan i eyo dinamika]. *Social Sciences and Contemporary World=Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'*. 1999;(4):5–18. (In Russ.).
12. Danilova E. N., Klimova S. G., Dudchenko O. N., My'til' A. V. [et al]. Processes of identification of Russian citizens in the social space of “their” and “not their” groups and communities [Processy' identifikacii rossijskix grazhdan v social'nom prostranstve «svoix» i «nesvoix» grupp i soobshhestv (1999–2002)]. Master-klass professora V. A. Yadova. Moscow: Aspekt Press; 2004. 326 p. (In Russ.).
13. Danilova E. N. Changes in social identifications of Russians [Izmeneniya v social'ny'x identifikaciyax rossiyan]. *Sotsiologicheskij Zhurnal=Sociological Journal*. 2000;(3-4):76–86. (In Russ.).
14. Danilova E. N., Dudtchenko O. N., Zaritsky T. [et al.] *Russians and Poles at the Turn of the Century. Experience of Comparative Study of Social Identifications*

- (1998–2002) [Rossiyane i polyaki na rubezhe vekov. Opy't sravnitel'nogo issledovaniya social'ny'x identifikacij (1998–2002)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RXGA; 2006. 352 p. (In Russ.). ISBN 5-88812-235-1.
15. Danilova E. N., Yadov V. A. Unstable social identity as a norm of modern communities [Nestabil'naya social'naya identichnost' kak norma sovremenny'x obshhestv]. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2004;10(246):27–30. (In Russ.).
  16. Danilova E. N., Oberemko O. A. Specificity of self-identification and social self-feeling of the urban middle class of Russia [Specifika samoidentifikacij i social'nogo samochuvstviya gorodskogo srednego klassa]. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'*. 2007;3(83):28–38. (In Russ.).
  17. Tikhonova N. E. The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2020;29(1):6–30. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30).
  18. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. [et al.]. Russian society and the challenges of time. Book Seven. Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Ves' Mir; 2024. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0927-1.
  19. Tikhonova N. E., Dudin I. V. Identity of Russians as a Factor of consolidation of Russian Society // *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia* (in print). (In Russ.).
  20. Tikhonova N. E., Mareeva S. V., Anikin V. A. [et al.]. Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Moscow: Ves' Mir; 2022. 424 p. (In Russ.). DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731).

Information about the Authors

I. V. Dudin

Junior Researcher

ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/0009-0001-9012-2022)

N. E. Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor,

Main Researcher

ResearcherID: [G-8413-2015](https://orcid.org/0009-0001-9012-2022)

Scopus AuthorID: [7006789882](https://orcid.org/0009-0001-9012-2022)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 10.08.2024.